

Цвибака в письме Буниной — «он, оказывается, самый верный муж»²⁰ можно усмотреть не только иронию).

Видимо, он ощущал двусмысленность положения Кузнецовой. Эта двусмысленность, как и внутренняя нестабильность молодой писательницы, невольно сказываются на ее восприятии праздничных событий, но проявляются и задолго до самой поездки. Чисто технический момент — Бунин звонком из Парижа просит найти в его кабинете прежние издательские договоры — вызывает в ней ощущение необратимых изменений, жизненного перевала. О чем она и сообщает в «Грасском дневнике» 17 ноября: «Вчера до ночи рылись в бумагах И. А., в его письмах, портретах, папках, отыскивая, по его просьбе, старые условия с издателями, и было в этом что-то почти жуткое для меня — в том, что теперь можно рыться в этом, обычно так ревниво охраняемом и закрываемом на ключ от всех» (с. 351).

Если проследить по дневниковым записям и письмам Кузнецовой воспроизведение состояния, облика Бунина в «нобелевские дни», то можно заметить в основном ноты удручающие, тоскливые, фиксацию болезненной стороны жизни в ущерб радостной, постоянные опасения и т. п. Трудно усомниться в том, что фактографическая сторона здесь передана верно, но вот пропорции и акценты создают тяжелое впечатление.

Как уже сказано, начало эта интонация берет задолго до нобелевских дней в Швеции: «И. А. звонил опять [из Парижа]. Говорил, что почести ему большие, но что он уже очень устал, по ночам не спит и что ему очень грустно одному» (с. 351).²¹

Впрочем, Кузнецова в дневнике и сама вполне адекватно описывает свое состояние: «Девятого ноября наша жизнь переломилась, не „сказочно“, как говорят теперь некоторые знакомые, но все же переломилась. Не знаю, что будет дальше. И. А. настаивает, чтобы я ехала с ними в Стокгольм, но я колеблюсь. Я заторможена, затуркана, плохо сплю, все думаю, что хорошо бы мне настоять на отдыхе вдаль от всего и всех...» (с. 352).

Но и здесь она, как обычно, не ограничивается собой, своими переживаниями, но связывает свои ощущения с «несчастьями»/неудачами Бунина: «Кроме того, я мучаюсь тем, что вижу все промахи, сделанные вокруг и поставленные в счет Бунину, который повинен в них очень мало, и я не радуюсь до сих пор перемене в нашей жизни» (с. 352).

Именно в эти дни задается тон ее будущему восприятию «сказочной» шведской поездки. Поэтому не приходится удивляться, что в самый день вручения премии она с осуждением пишет про ошведившихся русских, а в письме к Зурову выбирает любопытное определение для неудачных газетных снимков: «Потом все газеты снимали. Выходим мы, однако, уж — что-то *преступное*».²² И затем следует лишённая комментариев, но сама по себе знаковая фраза: «Меня все принимают здесь за дочь»,²³ содержание которой сильно задевает Кузнецову, судя по тому, что в одном и том же письме повторяется дважды: «Всюду снимки вчерашнего чая. Я оказалась под именем „m-lle Буниной“».²⁴

²⁰ Письмо В. Н. Буниной к Л. Ф. Зурову от 8 декабря 1933 года (Leeds Russian Archive. MS. 1067/7938).

²¹ Отметим попутно, что это замечание как нельзя более отвечает настроениям самой Кузнецовой в эту пору, мимолетное свидетельство о которых встречается в дневниковой записи В. Н. Буниной от 21 ноября: «(...)А дома у нас плохо. Галя с Леной все ссорятся» (Дневник В. Н. Буниной за 1933 г. // Leeds Russian Archive. MS.1067/408). Эта запись не вошла в публикацию М. Э. Грин «Устами Буниных» (Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt am Main, 1981).

²² Письмо Г. Н. Кузнецовой к Л. Ф. Зурову от 10 декабря 1933 года (БФРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 50. Л. 28).

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 29.